О частичном исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: на примере дел *Ким и другие против России* и *Анчугов и Гладков против России*

Мария Филатова, Екатерина Балюк*

Исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека как часть проблемы исполнения государством решений международных судов имеет важное теоретическое и практическое значение для российской правовой системы. В более общем плане исполнение решений ЕСПЧ отражает уровень соблюдения государством норм международного права. В более частном плане такое исполнение отражает степень реальной защиты прав человека в конкретном государстве. Один из вопросов в связи с исполнением постановлений ЕСПЧ касается формального момента, когда такое постановление считается исполненным. В настоящее время вопрос об окончании исполнения решается Комитетом министров Совета Европы в окончательной резолюции, принимаемой по делу. Однако с технической точки зрения, такая резолюция принимается только в случае выполнения государством полностью всех мер, предусмотренных или подразумеваемых постановлением ЕСПЧ. В то же время с точки зрения формального завершения исполнения не учитываются даже значительные шаги государства, направленные на исполнение постановления, но не приведшие к достижению стопроцентного результата. Это особенно важно для так называемых ведущих дел в практике ЕСПЧ, в которых констатируется наличие структурной или системной проблемы защиты прав человека в конкретном государстве. Исполнение решений по таким делам может требовать не только реформирования законодательства и корректировки судебной практики, но и зачастую — значительных финансовых вложений, а также изменение общественного мнения по некоторым вопросам. На примере группы дел *Ким против России* в статье анализируется ряд мер, принятых государством для исполнения постановлений данной группы, находящихся на особом контроле Комитета министров Совета Европы. Несмотря на значительное число мероприятий, предпринятых государством, процесс исполнения в настоящее время не закрыт. В то же время по другим делам (о праве голоса заключённых, рассмотренных Комитетом министров в 2018 и 2019 годах) даже частичное исполнение привело к принятию окончательной резолюции и закрытию досье по исполнению. Авторы приходят к выводу о целесообразности более гибкого подхода к определению соблюдения государством своих обязательств по Конвенции и необходимости введения статуса «частичного исполнения» или «прогресса исполнения» постановлений ЕСПЧ.

→ *Европейский Суд по правам человека; исполнение решений международных судов; частичное исполнение; прогресс исполнения; «ведущие дела»; право голоса заключённых*

DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-58-69

* Филатова Мария Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент департамента дисциплин публичного права, ведущая научно-учебная лабораторией международного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: mafilatova@hse.ru); Балюк Екатерина Владимировна — магистр права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», стажёр в «Asian International Arbitration Center», Куала-Лумпур, Малайзия (e-mail: ekaterinabaliuk@gmail.com). Авторы выражают глубокую признательность юристу Департамента исполнения Комитета министров Совета Европы Никите Коломийцу за цен-

1. Дела о праве голоса заключённых: неожиданное завершение

В сентябре 2019 года Комитет министров Совета Европы (далее — КМСЕ, Комитет министров) на очередном заседании по во-

зные замечания и комментарии, высказанные в ходе подготовки настоящей статьи.

просам исполнения решений Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ, Суд)¹ признал исполненными постановления по группе российских дел, в которых была выявлена структурная проблема тотального запрета на участие в выборах лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда. Данная группа включает в себя дело *Анчугов и Гладков против России*, известное прежде всего тем, что по вопросу о возможности его исполнения было вынесено Постановление Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 года № 12-П, а также дело *Исаков и другие против России*².

Главный вопрос резолюции касался принятия мер общего характера по данным постановлениям. В обоих делах (как и в других постановлениях о нарушении права заключённых на участие в выборах) Суд отказался присуждать компенсацию морального вреда, указав, что констатация нарушения является достаточной компенсацией. К моменту вступления в силу постановлений ЕСПЧ большинство заявителей уже освободились из мест лишения свободы, поэтому принятие мер *restitutio in integrum* в их отношении было невозможно. Таким образом, основной целью постановлений Суда было принятие мер общего характера — предоставление возможности участия в выборах лицам, лишённым свободы по приговору суда. В принятии общих мер и заключалась главная интрига этих постановлений — с учётом того, что Конституционный Суд России в упомянутом выше постановлении признал невозможным исполнение постановления *Анчугов и Гладков против России* в соответствии с Конституцией РФ³.

Напомним, что в этом постановлении Конституционный Суд признал невозможным изменение статьи 32 (ч. 3) Конституции РФ, устанавливающей прямой запрет на участие в выборах для граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда. В то же время Конституционный Суд указал на возможность предоставления права избирать и быть избранными некоторым другим категориям осуждённых, отбывающих наказание в колониях-поселениях.

КМСЕ отметил, что вслед за принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года вступили в действие изменения в Уголовный кодекс РФ (с 1 января 2017 года вступила в действие статья 53.1 Уголовного кодекса РФ, которой вводится новый вид наказания — принудительные работы). По мнению КМСЕ, по смыслу Конвенции данный вид наказания может трактоваться как лишение свободы (англ.: *deprivation of liberty*), хотя и было признано, что в российском законодательстве он рассматривается как альтернативный и не является лишением свободы *stricto sensu*. Кроме того, КМСЕ обратил внимание на ряд мер, параллельно предпринятых российскими властями для снижения общего количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы (среди прочих мер было упомянуто и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года «О судебном приговоре»).

Тем не менее главный вопрос, поднятый ЕСПЧ в Постановлении по делу *Анчугова и Гладкова*, о смягчении установленного российской Конституцией абсолютного запрета для осуждённых к лишению свободы, казалось бы, остался нерешённым. По смыслу данного постановления проблема российского правового регулирования заключается именно в тотальном и автоматическом запрете на участие в выборах для лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда. В этом отличие российской ситуации от, например, дела *Скоппола против*

¹ 1355-е заседание КМСЕ проходило с 23 по 25 сентября 2019 года. См.: Notes of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the Agenda. H-46-17 *Anchugov and Gladkov group v. Russian Federation* (Application no. 11157/04). 1355th meeting, 2019 (CM/Notes/1355/H46-17). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680972e12 (дата обращения: 04.11.2019).

² Данное постановление было принято ЕСПЧ по 24 жалобам российских граждан, которые отбывали наказание в местах лишения свободы по приговору суда и чьё право на участие в выборах было ограничено. Постановление принималось комитетом из трёх судей на основе позиций, сформулированных в постановлении по делу *Анчугов и Гладков против России*. См.: European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Anchugov and Gladkov v. Russia*. Applications nos. 11157/04 and 15162/05. Judgment of 4 July 2013, final on 9 December 2013.

³ Анализу данного постановления Конституционного Суда России было уделено довольно много внимания в российской правовой литературе. См., например: *Вайпан Г.* Трудно быть

богом: Конституционный Суд РФ и его первое дело о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 107–124; *Marochkin S.* ECtHR and the Russian Constitutional Court: Duet or Duel? // Russia and the European Court of Human Rights: The Strasbourg Effect / ed. by L. Mälksoo, W. Benedek. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. С. 93–124.

Италии (№ 3), где ЕСПЧ не нашёл нарушения статьи 3 Протокола № 1 в силу того, что запрет на участие в голосовании в итальянском законодательстве не распространялся на осуждённых за преступления небольшой тяжести⁴.

Такая «частичность» принятых мер и реакция на них Комитета министров уже позволили некоторым комментаторам в России называть это решение «компромиссом, который сводит на нет контрольную роль Комитета министров»; другие эксперты менее радикальны в своих оценках, характеризуя это решение как «взаимоприемлемый компромисс»⁵. Оценки сходятся в одном: решение об исполнении так или иначе было компромиссным, и отталкивалось от практических и правовых реалий.

В другой недавно вышедшей статье весьма критически оценивались аргументы КМСЕ в Резолюции: в частности, отмечается, что принятые меры не решили главной проблемы, поставленной Судом, поскольку «ЕСПЧ никогда не давал оценки запрету на участие в выборах для лиц, отбывающих наказание по приговору суда, включающее лишение свободы [англ.: *persons serving a sentence involving a deprivation of liberty*], но особо сфокусировался на запрете для заключённых [англ.: *convicted prisoners*]». Авторы приходят к выводу, что в данном случае речь идёт лишь о видимости исполнения постановлений ЕСПЧ, которая выходит за рамки допустимого поля усмотрения государства-ответчика⁶.

Впрочем, резолюция по российским делам — не первый документ, принятый КМСЕ по вопросам исполнения постановлений ЕСПЧ о праве заключённых на участие в выборах. Ранее, в декабре 2018 года, КМСЕ

принял окончательную резолюцию по делу *Хёрст против Соединённого Королевства* (№ 2)⁷ — постановления, с которого и начался радикальный поворот в практике ЕСПЧ по применению статьи 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) и толкованию права на участие в выборах⁸. В резолюции по группе дел Хёрста КМСЕ также указал на то, что некоторым категориям лиц, осуждённых за небольшие преступления, теперь предоставлена возможность голосовать — таким образом, запрет на участие в выборах утратил свой автоматический и недифференцированный характер. Как и в российских делах, в резолюции по британскому делу не была решена основная проблема: лишение права голосовать для основной массы лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Эта резолюция также подверглась жёсткой и детальной критике: комментаторы указывали на то, что «суть нарушений, выявленных ЕСПЧ — законодательная природа запрета на участие в голосовании — не была устранена, а принятые государством меры представляли собой попытку минимизировать исполнение Конвенции, расширяя понимание того, какие меры могут быть признаны достаточными в подобных случаях»⁹.

Есть очевидная разница в аргументах КМСЕ об исполнении постановлений по британским и российским делам. Если в первой группе возможность голосовать всё-таки была предоставлена некоторым категориям заключённых — то есть лицам, находящимся в местах лишения свободы, — то в российской группе акцент был сделан на предоставлении этого права осуждённым к *ограничению* свободы (например, принудительные работы). В первом случае речь шла о дифференциации в пределах группы осуждённых с одним видом наказания, но с разной его продолжительностью и разной тяжестью преступления, а во

⁴ ECtHR. *Scoppola v. Italy (No. 3)* [GC]. Application no. 126/05. Judgment of 22 May 2012. Подробнее о данном постановлении и его сравнении с предшествующей практикой ЕСПЧ касательно права на участие в выборах см.: Ковлер А. И. Европейская Конвенция: проблемы толкования и имплементации. М.: Норма, 2019. С. 284–305.

⁵ Корня А. Совет Европы: Россия исполнила решение ЕСПЧ о праве голоса для заключённых // Ведомости. 2019. 27 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/27/812200-sovet-evropi-zaklyuchennih> (дата обращения: 04.11.2019).

⁶ См.: Bogush G., Padskocimaite A. Case Closed, but What About the Execution of the Judgment? The Closure of *Anchugov and Gladkov v. Russia* // EJIL: Talk! 2019. 30 October. URL: <https://www.ejiltalk.org/case-closed-but-what-about-the-execution-of-the-judgment-the-closure-of-anchugov-and-gladkov-v-russia/> (дата обращения: 07.11.2019).

⁷ Resolution of the Committee of Ministers of the Council of Europe on execution of five cases against the United Kingdom. 1331st meeting, 2018 (CM/ResDH(2018)467). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016808fecae8 (дата обращения: 04.11.2019).

⁸ Подробнее об этом см.: Ковлер А. И. Указ. соч.

⁹ Von Staden A. Minimalist Compliance in the UK Prisoner Voting Rights Cases // ECHR Blog. 2018. 16 November. URL: https://echrblog.blogspot.com/2018/11/guest-blog-minimalist-compliance-in-uk.html?fbclid=IwAR0Y1zp0npb6pm8U3ML_0WP8nUqoJF3eEm_rC8bqzjFlagCgGth8KBpddk (дата обращения: 04.11.2019).

втором — о распространении выводов ЕСПЧ на категорию лиц с другим видом наказания, предполагающего ограничение свободы, но не её лишение *stricto sensu*. КМСЕ не разъяснил, какие признаки принудительных работ позволяют рассматривать их как лишение свободы «в терминах Конвенции»; подобная оценка, наверное, могла бы быть дана самим ЕСПЧ, однако на сегодняшний день мнение Суда по этому поводу не озвучено.

2. Исполнение постановлений ЕСПЧ: формальное завершение

Хотя приведённые выше резолюции КМСЕ заслуживают детального анализа с точки зрения их содержания и выдвинутых в них аргументов, наша цель в рамках данной статьи иная: методология, которая используется КМСЕ для оценки того, исполнено ли постановление ЕСПЧ. Нельзя не признать, что упомянутые выше резолюции КМСЕ приняты по политически чувствительным вопросам, вызвавшим большой резонанс не только в странах, в отношении которых были приняты соответствующие постановления ЕСПЧ. Вряд ли их можно рассматривать как пример «рутинных» решений Комитета министров, принимаемых по типовым делам. Тем более ярким на их фоне выглядит вопрос о том, на основе каких критериев Комитетом министров оценивается степень исполнения постановлений ЕСПЧ. Сложно игнорировать доводы экспертов о том, что принятые национальными властями меры не решали суть проблемы, обозначенной ЕСПЧ. Может ли подход КМСЕ к оценке исполнения в этих делах быть признан типичным, или же он вызван особым характером этих дел? Какова общая методология КМСЕ для оценки такого соответствия? Наконец, каково «поле усмотрения» самого Комитета министров в этой оценке и от каких факторов оно зависит?

Эти вопросы практически не попадают в сферу исследований, связанных с исполнением решений ЕСПЧ, при том что сама тема исполнения широко и детально исследуется как в доктрине, так и на уровне эмпирического анализа. Полагаем, что есть необходимость поставить указанные вопросы, поскольку от ответов на них в конечном счёте зависит оценка эффективности мер по исполнению решений ЕСПЧ, а значит, и степени импле-

ментации самих норм Конвенции в национальных государствах.

В более общем плане, когда постановление Суда можно считать исполненным? Казалось бы, ответ логичен: после принятия всех мер, указанных или подразумеваемых в постановлении. Этот момент формализуется принятием окончательной резолюции КМСЕ об исполнении. Однако критерии, которыми руководствуется Комитет министров, принимая такое решение, остаются неясными, что подтверждает и пример с группой дел *Анчугов и другие*. Как видно из базы данных «HUDOC», из 2758 постановлений, подлежащих исполнению, исполнены (то есть закрыты) 1052 дела, при этом большинство из них касается повторяющихся дел (798) и лишь 63 — ведущих дел; ожидают исполнения (англ.: *pending*) 1706 дел¹⁰. Мы видим, что количество неисполненных постановлений существенно выше, чем исполненных. И дело здесь не в особенностях исполнения решений против России: примерно похожая пропорция наблюдается в целом в отношении резолюций КМСЕ, вынесенных по окончательным постановлениям ЕСПЧ. Однако эта статистика требует более внимательного и не линейного анализа.

Вопросы исполнения решений международных судов имеют важное теоретическое и практическое значение. По выражению А. С. Исполинова, они являются частью более глобальной проблемы соблюдения (англ.: *compliance*) государствами норм международного права¹¹. А. Я. Капустин отмечает, что решения международных судов рассматриваются как средства «международно-правового обеспечения соблюдения государствами договорных обязательств во внутрисударственной сфере»¹².

Исполнение постановлений ЕСПЧ — один из наиболее популярных вопросов в российской правовой публицистике, что вполне объ-

¹⁰ См.: URL: <https://hudoc.exec.coe.int/eng#%7B%22EXECDocumentsTypeCollection%22%3A%7B%22CEC%22%7D%22%7B%22EXECLanguage%22%3A%7B%22ENG%22%7D%22%7B%22EXECState%22%3A%7B%22RUS%22%7D%22%7B%22EXECIsClosed%22%3A%7B%22True%22%7D%7D> (дата обращения: 10.11.2019).

¹¹ См.: Исполинов А. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 45—67, 46.

¹² Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения / под общ. ред. В. В. Лазаревой. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 20.

ясным масштабом влияния практики ЕСПЧ на российскую правовую систему и количеством постановлений, принимаемых Европейским Судом в отношении государств — членов Совета Европы. По количеству принимаемых решений мало какой международный орган может сравниться с ЕСПЧ, а потому проблема исполнения этих постановлений — то есть, по большому счёту, эффективности работы самого Суда — неизменно остаётся в фокусе внимания исследователей¹³.

В то же время, как справедливо отмечает А. С. Исполинов, исполнение решений международных судов нецелесообразно рассматривать в бинарной системе «исполняется — не исполняется». Здесь речь может идти не об абсолютном, а о минимально приемлемом для государств-участников уровне исполнения решений конкретного суда, при этом следует понимать, что для разных судов этот уровень никогда не будет одинаков¹⁴.

Зарубежные исследователи отмечают также, что само обязательство государств исполнять решения международных судов на практике сосуществует с предположением о «сложностях в исполнении», а также с периодическими отказами в исполнении¹⁵. Поэтому приобретает особую важность вопрос об эффективности процесса исполнения, которую необходимо оценивать в динамике, изучая совокупность конкретных шагов, принятых государством в процессе исполнения тех или иных решений международных органов.

Проблемы исполнения решений ЕСПЧ включают в себя множество аспектов: теоретические, международно-правовые, конституционные, процессуальные и т. д. Однако в настоящей статье мы хотим обратить внимание на достаточно частный, возможно технический, но имеющий большое практическое значение вопрос о том, как отражается реальное состояние исполнения в решениях органа, осуществляющего формальный контроль за исполнением, — КМСЕ.

Почему, на наш взгляд, этот вопрос имеет важное практическое значение? Он важен прежде всего как формальный показатель эф-

фективности работы Суда, при всём несовершенстве такого способа подсчёта. Кроме того, он безусловно важен для понимания степени выполнения государствами своих обязательств по Конвенции (англ.: *compliance*)¹⁶.

Для целей исполнения постановлений ЕСПЧ необходимо различать так называемые ведущие дела, или прецеденты (англ.: *leading cases*), и повторяющиеся дела (англ.: *repetitive cases*). В ведущих делах Суд выявляет какую-то проблему системного (структурного) характера, а повторяющиеся дела, как правило, воспроизводят данную проблему. Сочетание ведущего дела и всех относимых к нему повторяющихся дел образует «группу дел» по какой-то проблеме¹⁷. Зачастую исполнение отслеживается именно для группы дел.

Очевидно, что статистически большинство решений ЕСПЧ выносятся именно по повторяющимся делам, в которых речь идёт об однократных нарушениях (в настоящее время по многим из этих дел заключаются мировые соглашения, что снимает необходимость их постановки на контроль КМСЕ в целях исполнения). С точки зрения всей европейской системы защиты прав человека (то есть создания условий, в которых нарушения не будут повторяться в будущем), наиболее значимыми являются именно ведущие дела, в которых Суд констатирует системные проблемы. Исполнение именно такого рода постановлений представляет наибольшие сложности для государств, поскольку почти всегда речь в них идёт о мерах глобального характера: об изменении законодательства, о существенной корректировке судебной практики, зачастую — о различных организационных мерах, требующих значительных финансовых влива-

¹⁶ В недавно вышедшей монографии автор рассуждает о факторах, влияющих на принятие решений государствами в рамках исполнения их обязательств в соответствии с постановлениями ЕСПЧ. В частности, утверждает автор, государства стремятся снизить политические и материальные издержки такого исполнения, что приводит к тому, что автор называет «минималистское исполнение» (англ.: *minimalist compliance*). См.: Von Staden A. *Strategies of Compliance with the European Court of Human Rights: Rational Choice Within Normative Constraints*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2019.

¹⁷ См.: Stafford G. *The Implementation of Judgments of the European Court of Human Rights: Worse Than You Think — Part 1: Grade Inflation* // EJIL: Talk! 2019. 7 October. URL: <http://www.ejiltalk.org/the-implementation-of-judgments-of-the-european-court-of-human-rights-worse-than-you-think-part-1-grade-inflation/#more-17533> (дата обращения: 04.11.2019).

¹³ См., например: Там же.

¹⁴ См.: Исполинов А. Указ. соч. С. 45.

¹⁵ См.: Santulli C. *L'obligation d'exécuter les décisions des juridictions internationales* // *Révue générale du droit international public*. 2017. No. 3. P. 563–573, 563.

ний, и очень часто — об изменении общественного мнения по отдельным вопросам, что, пожалуй, является самым трудным в процессе имплементации решений ЕСПЧ. Более того, именно исполнение по таким делам является показателем эффективных реформ в обществе. Отсутствие исполнения показывает, что сохраняется серьёзная проблема нарушения прав человека.

С формальной точки зрения исполнение постановления ЕСПЧ закрывается окончательной резолюцией КМСЕ. Исполнение решения по какому-то из ведущих дел требует от государства гораздо больших вложений, чем по повторяющимся делам, если структурная проблема уже решена. Однако в статистике исполнения они будут учитываться одинаково.

Более того, полностью исполнить постановление по какой-либо структурной проблеме зачастую весьма затруднительно. Согласно отчёту по исполнению постановлений ЕСПЧ, представленному Комитетом министров с разбивкой по странам, большая часть постановлений по ведущим делам ожидает своего исполнения. Исследователи, со ссылкой на данные «HUDOC», указывают, что проблема неисполнения постановлений по структурным проблемам актуальна для многих государств, и их число далеко не ограничивается теми государствами, в отношении которых выносятся наибольшее число постановлений (Азербайджан, Россия, Турция, Украина)¹⁸.

Однако отсутствие окончательной резолюции по таким постановлениям не означает, что государством не принимаются меры для их исполнения: может предприниматься довольно много шагов, что свидетельствует о прогрессе исполнения, или частичном исполнении. Проблема заключается в том, что такой прогресс исполнения практически не учитывается в резолюциях КМСЕ. Окончательные резолюции принимаются Комитетом министров, как правило, в том случае, если государством полностью приняты все меры,

подразумеваемые в постановлении ЕСПЧ для его исполнения¹⁹. Если, например, государство приняло даже 95 % всех мер, подразумеваемых в постановлении Суда, то, как правило, этого недостаточно для принятия окончательной резолюции Комитета министров; дело остаётся на контроле Комитета министров до полного исполнения всех предусмотренных мер (впрочем, как мы видим на примере группы дел Анчугова и Исакова, а также Хёрста, из этого правила тоже бывают исключения).

С другой стороны, по делам, где постановление Суда по каким-то причинам встречает сопротивление государства, то есть необходимые меры не принимаются, результат — с формальной точки зрения — будет таким же. С точки зрения статуса, на сегодняшний день не предусмотрено различия в «степени исполнения» таких постановлений. Хотя «прогресс исполнения» можно отследить по конкретным делам путём анализа принятых решений КМСЕ и планов по исполнению, это не позволяет охарактеризовать усилия государства по исполнению хотя бы как «частичное исполнение».

Ниже мы предлагаем анализ исполнения постановлений группы *Ким против России*, которая включает как ведущее дело, так и ряд повторяющихся дел²⁰.

3. *Ким против России*: недостатки, выявленные ЕСПЧ

Начиная с 2013 года исполнение Россией различных постановлений, объединённых в группу *Ким против России*, является одной

¹⁹ Следует отметить, что иногда КМСЕ частично закрывает вопрос о «частичном» исполнении постановлений в части индивидуальных мер или о снятии с контроля отдельных вопросов принятия мер общего характера (см., например, Резолюцию CM/Del/Dec(2019)1348/H46-7 об исполнении по делам *Skendžić and Krznarić group v. Croatia* (Application no. 16212/08)). Однако такое частичное исполнение не «закрывается» формальной резолюцией и никак не отражается в формальной базе исполнения Комитета министров. Это делает затруднительным поиск информации о реальном состоянии исполнения.

²⁰ Данная группа представлена 13 постановлениями ЕСПЧ: *Азимов против России*; *Акрам Каримов против России*; *Чантуридзе против России*; *Чхиквишвили против России*; *Эгамбердиев против России*; *Эшонкулов против России*; *Исмаилов против России*; *М.Ш.А. и другие против России*; *Маинов против России*; *Мсхиладзе против России*; *Р. против России*; *Рахимов против России*; *С.К. против России*. Основное постановление данной группы, давшее ей название: ECtHR. *Kim v. Russia*. Application no.44260/13. Judgment of 17 July 2014, final on 17 October 2014.

¹⁸ См.: *Stafford G.* The Implementation of Judgments of the European Court of Human Rights: Worse than You Think — Part 2: The Hole in the Roof // EJIL: Talk! 2019. 8 October. URL: <http://www.ejiltalk.org/the-implementation-of-judgments-of-the-european-court-of-human-rights-worse-than-you-think-part-2-the-hole-in-the-roof/?fbclid=IwAR0KQZ1hw2qOJ8encdB9AMyJH6OJ-iQd9WdplmRP7bJ1CZF5ZBhWHCyVgk> (дата обращения: 04.11.2019).

из важнейших задач, стоящих на повестке КМСЕ.

Дела данной группы касаются различных нарушений прав заявителей при содержании в специальных учреждениях апатридов (*Ким против России*) или иностранных граждан (*С.К. против России* и *Чхиквишвили против России*), подлежащих административному выдворению из страны. ЕСПЧ указал на наличие структурной проблемы российского законодательства и его применения по этому вопросу. В частности, ЕСПЧ указал на следующие нарушения прав заявителей²¹:

— произвольное содержание в центрах временного содержания иностранных граждан (специальных учреждениях) из-за отсутствия реальных перспектив выдворения²², ненадлежащая процедура выдворения (*Ким против России*) (пункт 1 статьи 5 Конвенции);

— отсутствие у заявителей возможности обжаловать законность и целесообразность помещения их в специальные учреждения (пункт 4 статьи 5 Конвенции);

— отсутствие в судебных постановлениях конкретных сроков выдворения и, как следствие, чрезмерно длительный срок содержания заявителей в специальных учреждениях;

— ненадлежащие условия содержания заявителей в специальных учреждениях (статья 3 Конвенции)²³.

Были выявлены и иные нарушения положений Конвенции²⁴.

В деле *С.К. против России* Суд также указал, что выдворение заявителя из России в Сирию будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции. Суд также нашёл нарушение

статьи 13 – право на эффективное внутригосударственное средство правовой защиты²⁵.

По общему правилу, государство-ответчик при контроле КМСЕ самостоятельно определяет необходимые меры по устранению нарушений Конвенции. Лишь в редких случаях ЕСПЧ в своём постановлении может обозначить, что следует сделать для быстрого и эффективного предотвращения аналогичных нарушений в будущем²⁶. Однако указание на такие меры остаётся рекомендацией ЕСПЧ; окончательный выбор мер остаётся на усмотрение государства-ответчика.

В ведущем постановлении группы *Ким против России* ЕСПЧ, с учётом особых обстоятельств, выявленных в этом деле и в деле *С.К. против России*, дал ряд указаний на основании статьи 46 Конвенции для лучшего исполнения данных постановлений. В части индивидуальных мер ЕСПЧ предложил России, прежде всего, не допустить повторное задержание и помещение в специальное учреждение Р.А. Кима за нарушения, связанные с его статусом лица без гражданства. В деле *С.К. против России* Суд указал на необходимость немедленного освобождения заявителе²⁷

Что касается общих мер в части нарушения пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции, Суд порекомендовал ограничение срока содержания заявителей в специальном учреждении периодом действия оснований для такого помещения, связанных с нарушениями миграционного законодательства (меры общего характера)²⁸.

Кроме того, Суд посоветовал закрепить механизм обжалования в суде законности помещения в специальные учреждения с целью выдворения в случае возникновения в деле новых обстоятельств. Вместе с тем ЕСПЧ посчитал важным предоставить заявителям процессуальные гарантии, соответствующие типу лишения свободы²⁹.

²¹ См. изложение нарушений в группе дел *Ким против России*: Case Description, URL: <https://hudoc.exec.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22kim%22%5D,%22EXECDocumentTypeCollection%22:%5B%22CEC%22%5D,%22EXECIdentifier%22:%5B%22004-14160%22%5D%7D> (дата обращения: 04.11.2019).

²² Поскольку не было указано ни одной страны, которая могла бы принять лицо без гражданства (ECtHR. *Kim v. Russia*. § 52, 56) или же ввиду ухудшающейся ситуации в военном конфликте в Сирии (ECtHR. *S.K. v. Russia*. Application no. 52722/15. Judgement of 14 February 2017, final on 14 May 2017).

23 Исполнение постановлений ЕСПЧ в части нарушения статьи 3 Конвенции в силу ненадлежащих условий содержания заявителей находится под контролем КМСЕ в контексте дел *Адеишвили (Mazmishvili) против России*. См. ведущее дело: ECtHR. *Adeishvili (Mazmishvili) v. Russia*. Application no. 43553/10. Judgment of 16 October 2014, final on 16 January 2015.

²⁴ В постановлениях группы *Ким против России* установлены нарушения статьи 3, пунктов 1 и 4 статьи 5, пункта 2 статьи 6 Конвенции.

²⁵ Исполнение постановления в данной части рассматривается КМСЕ в контексте группы дел *Гарабаев против России*. См. ведущее дело: ECtHR. *Garabayev v. Russia*. Application no. 38411/02. Judgment of 7 June 2007, final on 30 January 2008).

²⁶ См.: ECtHR. *Stanev v. Bulgaria*. [GC]. Application no. 36760/06. Judgment of 17 January 2012. § 255.

²⁷ ECtHR, *S.K. v. Russia*, § 153.

²⁸ ECtHR, *Kim v. Russia*, § 72; *S.K. v. Russia*, § 134.

²⁹ Однако рассмотрение дела по пункту 4 статьи 5 Конвенции не всегда сопровождается такими же гарантиями, как в уголов-

4. Информация о ходе исполнения (2015–2019 годы)

В 2015 году власти впервые отчитались перед КМСЕ о предпринятых и запланированных мерах по исполнению ведущего постановления группы *Ким против России*. Помимо выплаты справедливой компенсации, Россия сообщила об освобождении Р.А. Кима и отсутствии риска его принудительного перемещения³⁰. Данная ситуация сохранилась и в 2017 году³¹.

Несмотря на данную положительную информацию, КМСЕ был обеспокоен отсутствием у Р.А. Кима документов, подтверждающих его право законно находиться в России³². Без этих документов такое лицо согласно статье 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) может быть выдворено за нарушение режима пребывания (проживания)³³. КМСЕ поправствовал предложенное Россией решение данной проблемы — закрепление специального миграционного статуса апатридов в отсутствие реальных перспектив их высылки³⁴. Соответствующий законопроект разрабатывается в настоящее время³⁵.

КМСЕ отметил ещё и то, что Р.А. Ким вправе легализовать свой статус иным образом, а именно через подачу заявления о приёме в российское гражданство при наличии соответствующих оснований³⁶. В этом отношении власти должны разъяснить заявителю данную возможность и, соответственно, проинформировать КМСЕ³⁷.

В качестве первоочередных мер общего характера российские власти распространили постановления рассматриваемой группы дел среди компетентных государственных органов³⁸, что было одобрено КМСЕ на последнем заседании в сентябре 2018 года. Это является стандартной, но одновременно и эффективной мерой повышения осведомлённости органов о правовых позициях ЕСПЧ и использования их в практической деятельности³⁹.

В качестве эффективной меры по распространению правовых позиций ЕСПЧ можно рассматривать и принятое Конституционным Судом России в 2017 году постановление по жалобе Н. Г. Мсхиладзе, также являющегося апатридом⁴⁰. Конституционный Суд поручил федеральному законодателю незамедлитель-

ном или гражданском судопроизводстве по статье 6 Конвенции. См.: ECtHR. *Kim v. Russia*. § 71.

³⁰ См.: Communication from the Russian Federation concerning the case of *Kim against Russian Federation*. Action Plan of 19 May 2015. DH-DD(2015)527. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804ad3e2 (дата обращения: 04.11.2019).

³¹ См.: Communication from Russian Federation concerning the case of *Kim v. Russian Federation*. Action Plan of 7 April 2017. DH-DD(2017)425. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680708107 (дата обращения: 04.11.2019).

³² См.: Decision of the Committee of Ministers of the Council of Europe on supervision of execution. H46-19 *Kim group v. Russian Federation*. 1288th meeting, 2017 (CM/Del/Dec(2017)1288/H46-26). § 2–3. URL: <https://hudoc.exec.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22%3A%5B%5C%22Kim%22%5D%5C%22EXECIdentifier%22%3A%5B%5C%22004-14160%22%5D%5D%7D> (дата обращения: 04.11.2019).

³³ Статья 18.8 КоАП РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (в ред. от 12 ноября 2018 года) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ См.: Decision of the Committee of Ministers of the Council of Europe on supervision of execution. H46-19 *Kim group v. Russian Federation*. 1318th meeting, 2018 (CM/Del/Dec(2018)1318/H46-19). § 5.

³⁵ В частности, МВД России разрабатывает проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лица без гражданства». Им планируется предусмотреть правовую основу для закрепления миграционного статуса апатридов на российской территории. См.: пункт 13

Доклада о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2017 год. Приложение № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ Данная возможность детально разъяснена в статье 13 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ См.: Decision of the Committee of Ministers of the Council of Europe on supervision of execution. H46-19 *Kim group v. Russian Federation*. 1318th meeting, 2018 (CM/Del/Dec(2018)1318/H46-19). § 2.

³⁸ См.: Communication from the Russian Federation concerning the case of *Kim against Russian Federation*. Action Plan of 19 May 2015. DH-DD(2015)527.

³⁹ Стандартные меры включают в себя такие, например, как: пересмотр судами решений, вынесенных в отношении заявителей, по новым обстоятельствам (см.: Communication from the Russian Federation concerning the case of *Klyakhin v. Russian Federation*. Action Plan of 29 August 2017, DH-DD(2017)936); регистрация права собственности, утраченного ранее (см.: Communication from the Russian Federation concerning the case of *Gladysheva and Stolyarova v. Russian Federation*. Action Plan of 11 July 2016, DH-DD(2016)859); проведение семинаров и инструктивных занятий с участием компетентных государственных органов (см.: Communication from the Russian Federation concerning the cases of *Alekseyev group v. Russian Federation*. Action Plan of 24 October 2016, DH-DD(2016)1198).

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе // СПС «КонсультантПлюс».

но закрепить в КоАП РФ эффективный механизм судебного контроля за длительностью сроков содержания в специальных учреждениях. Кроме того, Конституционный Суд предусмотрел возможное закрепление механизма надзора (контроля) уполномоченных органов за лицами, в отношении которых отменена мера в виде помещения в специальное учреждение, в течение срока исполнения постановления об их выдворении⁴¹.

В план законопроектной деятельности на 2017 год была включена разработка законопроекта, предусматривающего установление, продление и приостановление сроков содержания лиц в специальных учреждениях и закрепление механизма обжалования ими решений о помещении в данные учреждения до выдворения (*далее* — законопроект № 306915-7)⁴². В конце 2017 года данный законопроект был принят Государственной Думой в первом чтении. В настоящее время ожидается, при необходимости, внесение поправок в его текст⁴³.

Законопроектом № 306915-7 предусмотрено, в частности, что:

- судья вправе учесть конкретную ситуацию лица без гражданства при принятии решения о его помещении в специальное учреждение⁴⁴;

- срок содержания в данном учреждении должен быть ограничен 90 сутками; он может быть продлён максимум ещё на 90 суток с указанием причин такой необходимости;

- апатриды вправе обжаловать в суде законность и обоснованность их дальнейше-

го содержания в порядке, предусмотренном КоАП РФ;

- прекращается исполнение решения о выдворении в отсутствие реальных перспектив высылки, если были исчерпаны все меры по поиску государства, готового принять апатрида⁴⁵.

Следует отметить, что работа по устранению остальных обозначенных ЕСПЧ недостатков ведётся в рамках иных групп дел. Например, в деле *Адеишвили (Мазмишвили) против России* предусматривается улучшение условий содержания в специальных учреждениях.

Таким образом, в настоящее время ведётся активная и продуктивная работа по внесению изменений в законодательство в целях исполнения различных постановлений, объединённых в группу *Ким против России*.

Если прогресс исполнения можно было бы измерить в цифрах, то наиболее точным представляется значение 80 %. Власти, несомненно, предприняли ряд шагов, направленных не только на улучшение личной ситуации заявителей, и инициировали важнейшие законодательные инициативы с целью недопущения повторных нарушений Конвенции.

Вместе с тем остаются все те 20 %, которые отделяют постановления группы *Ким против России* от снятия их с контроля КМСЕ. В частности, важным аспектом дальнейшего исполнения остаётся окончательная легализация нахождения апатридов на российской территории. Приобретение российского гражданства является сложной процедурой, в ходе которой могут быть отклонены заявления лиц, имеющих действующие ограничения на въезд в Россию⁴⁶. Соответственно, наиболее эффективным вариантом является закрепление в законе специального миграционного статуса апатридов. Трудность может возникнуть при точном определении содержания данного статуса. К сожалению, по этому поводу Конституционный Суд России в своём постановлении по жалобе Н.Г. Мехиладзе не предоставил каких-либо объяснений, ограничившись лишь предложением законодателю закрепить данный статус.

⁴¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 14-П.

⁴² Пункт 26 распоряжения от 26 декабря 2016 года № 2831-р. План законопроектной деятельности Правительства на 2017 год; законопроект № 306915-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части установления, продления и приостановления сроков содержания лиц в специальных учреждениях в целях административного выдворения и депортации, а также порядка обжалования соответствующих решений).

⁴³ См.: Информация о ходе рассмотрения законопроекта № 306915-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/306915-7> (дата обращения: 04.11.2019).

⁴⁴ Например, семейное положение, наличие законного источника средств к существованию, обеспеченность жильём в России, профессия, обращение о приёме в российское гражданство и т.д. См.: Текст законопроекта № 306915-7, подготовленного к рассмотрению Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/306915-7> (дата обращения: 04.11.2019).

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ См.: Пункт «г» части 1 статьи 16 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

Несомненно, законодатель обладает широкой дискрецией при внесении изменений в законодательство. Однако данная дискреция должна реализовываться в соответствии со стандартами защиты прав человека, закреплёнными в Конвенции, практикой ЕСПЧ и соответствующими рекомендациями КМСЕ. Это вытекает не только из международных обязательств Российской Федерации, но и — в первую очередь — из фундаментальных положений российской Конституции, в частности статьи 2, части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18.

Окончательное исполнение постановлений группы *Ким против России* и имплементация содержащихся в них позиций ЕСПЧ требует совершения ещё ряда системных действий. В первую очередь, следует определить содержание специального миграционного статуса апатридов. Целесообразным была бы выдача специального документа, удостоверяющего личность апатрида и предоставляющего ему ряд прав и обязанностей, но в ограниченном объёме по сравнению с гражданами Российской Федерации. В настоящее время отсутствие гражданства и удостоверяющих личность документов автоматически являются нарушением апатридами миграционного законодательства. Введение специального правового статуса апатридов предотвратило бы такое автоматическое нарушение и, как следствие, их новое выдворение по статье 18.8 КоАП РФ.

Очевидно, что подобный миграционный статус не идентичен российскому гражданству и не должен по своей природе разрешать пожизненное проживание на российской территории. Следовательно, следует усилить действия уполномоченных органов как по поиску государств, готовых принять апатридов, так и по заключению договоров о реадмиссии. Необходимо отметить, что в ходе обсуждения Государственной Думой законопроекта № 306915-7 было высказано мнение, что даже при заключённом договоре о реадмиссии государство может отказаться принять апатрида на свою территорию⁴⁷. В отсутствие возможности высылки лиц в иные государства

возможно также предусмотреть их интеграцию в российское общество путём профессионального переобучения с дальнейшим предоставлением постоянного места работы и т.д. с тем, чтобы не только предотвратить совершение в будущем аналогичных нарушений положений Конвенции, но и в полной мере придерживаться демократических ценностей.

Законодательные инициативы властей по закреплению механизмов обжалования помещения апатридов в специальные учреждения и контроля за этим внушают осторожный оптимизм. Однако, как всегда, чувствительным остаётся вопрос времени: постановления группы *Ким против России* касаются лиц, которые могут быть выдворены и (или) депортированы из страны, в то время как законопроект № 306915-7 не претерпевал изменений с конца 2017 года, и актуальная информация о его дальнейшем рассмотрении в 2018—2019 годах отсутствует в открытых источниках.

Таким образом, несмотря на значительный прогресс в исполнении группы дел *Ким против России*, некоторые решающие действия до сих пор не совершены, и, как следствие, преждевременно говорить о полном решении проблемы. Очевидно, что скорость их решения зависит не только от геополитических настроений, но и внутренних причин. Вместе с тем нельзя игнорировать тот прогресс, который мы наблюдаем в имплементации стандартов Конвенции в этом очень непростом вопросе.

5. Заключение

На примере рассмотренных дел мы видим существенно различающиеся подходы КМСЕ к оценке степени исполнения постановлений ЕСПЧ в делах разных категорий. Так, в отличие от группы дел по праву заключённых участвовать в голосовании, рассмотренных в начале статьи, значительное количество мер, направленных на устранение нарушений Конвенции в группе дел *Ким против России*, не привело к признанию этой группы закрытой, а постановлений ЕСПЧ — исполненными. Более того, наши наблюдения говорят о том, что типичной для оценки степени исполнения является именно группа Ким, а не британские и российские дела о праве голоса заключённых.

⁴⁷ См.: Стенограмма 88-го заседания Государственной Думы Российской Федерации о рассмотрении в первом чтении законопроекта № 306915-7 (мнение депутата И. Н. Зубова). 21 декабря 2017 года. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/306915-7> (дата обращения: 04.11.2019).

Полагаем, что причина здесь не только в степени чувствительности этих дел для государств-ответчиков (хотя, наверное, фактор компромисса не стоит сбрасывать со счетов). Можно предположить, что в КМСЕ идёт поиск некой методологии оценки исполнения постановлений ЕСПЧ, которая позволяет выходить за рамки буквальных указаний ЕСПЧ в постановлениях, обеспечивая расширение действия Конвенции через «альтернативные меры». В то же время продолжает доминировать и традиционный подход, который предполагает стопроцентное буквальное принятие всех мер, вытекающих из постановления ЕСПЧ или подразумеваемых в нём. С нашей точки зрения, оба подхода имеют право на существование, но наиболее важными здесь были бы открытость и последовательность Комитета министров в их использовании, чтобы и государства, и заявители — в том числе потенциальные — знали, из чего исходить и на что ориентироваться.

Полагаем, что рассмотренные в настоящей статье примеры исполнения постановлений ЕСПЧ и их учёта в официальных документах КМСЕ указывают на целесообразность перехода к более гибким стандартам оценки исполнения. Данный вопрос имеет не только техническое значение для «закрытия» того или иного досье постановления ЕСПЧ. Учёт прогресса исполнения (или частичного исполнения) позволит отразить усилия государств как в части выполнения своих международных обязательств, так и в части восстановления прав конкретных лиц. Кроме того, это даст более точное представление об эффективности деятельности самого Европейского Суда по правам человека, а значит, об эффективности всего механизма защиты прав и свобод, предусмотренного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Библиографическое описание:

Филатова М., Балиук Е. О частичном исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека: на примере дел *Ким и другие против России* и *Анчугов и Гладков против России* // Международное правосудие. 2019. № 4 (32). С. 58–69.

On the partial enforcement of the judgments of the European Court of Human Rights: the case of *Kim and Others v. Russia* and *Anchugov and Others v. Russia*

Maria Filatova

Candidate of Sciences (Ph.D) in Law, Associate Professor, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: mafilatova@hse.ru).

Ekaterina Baliuk

LL.M., Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: ekaterinabaliuk@gmail.com).

Abstract

The enforcement of the European Court of Human Rights judgments as a part of an issue of compliance with international courts' decisions is of major theoretical and practical importance for the Russian legal system. More generally, the enforcement of the ECtHR's judgments reflects state compliance with international law. More specifically, such enforcement refers to the degree of real human rights protection in a particular State. One of the main issues regarding the enforcement of the ECtHR's judgments is the question of the formal moment since which a judgment is considered to be enforced. Currently the process of enforcement formally ends when the Committee of Ministers of the Council of Europe adopts a final resolution on enforcement of the Court's judgment. However, from a technical point of view, the resolution is adopted only when the State has fully taken all the measures prescribed or implied by the European Court of Human Rights. At the same time, for the purposes of such resolution even significant measures adopted by the State will not be taken into account if they had not led to the 100% result. This is particularly important for the so called leading cases in the ECtHR's case-law, in which the Court reveals a structural or systemic problem in the legal system of a particular State. The enforcement of judgments in these cases may require not only reforming the legislation and adjusting the judicial case-law but also — very frequently — significant funding and correcting of public opinion on sensitive matters. On the example of the *Kim v. Russia* group of cases the authors show the set of measures taken by the State in order to enforce the judgments on the special control of CMCE. Despite a significant number of measures taken, the enforcement process has not been closed yet. At the same time, in some other cases (on the prisoner voting rights) examined by the Committee of Ministers in December 2018 and September 2019, even partial implementation resulted in CMCE final resolutions. The authors conclude that a more flexible approach to the State compliance with the Convention would be advisable. Furthermore, the introduction of a new status of execution such as “partial enforcement” or “progress in enforcement” would help to follow more carefully the degree of real implementation of the ECtHR's judgments.

Keywords

European Court of Human Rights; compliance with the ECtHR's judgments; partial enforcement; progress of enforcement; leading cases; prisoner voting rights.

Citation

Filatova M., Baliuk E. (2019) O chastichnom ispolnenii postanovleniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka: na primere del *Kim i drugie protiv Rossii* i *Anchugov i Gladkov protiv Rossii* [On the partial enforcement of the judgments of the European Court of Human Rights: the case of *Kim and Others v. Russia* and *Anchugov and Others v. Russia*]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 9, no. 4, pp. 58–69. (In Russian).

References

- Bogush G., Padskocimaite A. (2019) Case Closed, but What About the Execution of the Judgment? The Closure of *Anchugov and Gladkov v. Russia*. *EJIL: Talk!* 30 October. Available at: <https://www.ejiltalk.org/case-closed-but-what-about-the-execution-of-the-judgment-the-closure-of-anchugov-and-gladkov-v-russia/> (accessed: 07.11.2019).
- Ispolinov A. S. (2017) Ispolnenie resheniy mezhdunarodnykh sudov: teoriya i praktika [Compliance with the judgments of international courts: theory and practice]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 21, no. 1, pp. 45–67. (In Russian).
- Kornya A. (2019) Sovet Evropy: Rossiya ispolnila reshenie ESPCh o prave golosa dlya zaklyuchyonnykh [Council of Europe: Russia enforced the ECtHR's judgment on prisoners' right to vote]. *Vedomosti*, 27 September. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/27/812200-sovet-evropi-zaklyuchennih> (accessed: 04.11.2019). (In Russian).
- Kovler A. I. (2019) *Evropeyskaya Konventsia: problemy tolkovaniya i implementatsii* [European Convention: problems of interpretation and implementation], Moscow: Norma. (In Russian).
- Lazareva V. V. (ed.) (2019) *Implementatsiya resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v rossiyskoy pravovoy sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniya* [Implementation of the judgments of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice], Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russian).
- Marochkin S. (2018) ECtHR and the Russian Constitutional Court: Duet or Duel? In: Mälksoo L., Benedek W. (eds.) *Russia and the European Court of Human Rights: The Strasbourg Effect*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 93–124.
- Santulli C. (2017) L'obligation d'exécuter les décisions des juridictions internationales. *Revue générale du droit international public*, no. 3, pp. 561–573.
- Stafford G. (2019) The Implementation of Judgments of the European Court of Human Rights: Worse Than You Think – Part 1: Grade Inflation. *EJIL: Talk!* 7 October. Available at: <http://www.ejiltalk.org/the-implementation-of-judgments-of-the-european-court-of-human-rights-worse-than-you-think-part-1-grade-inflation/#more-17533> (accessed: 04.11.2019).
- Stafford G. (2019) The Implementation of Judgments of the European Court of Human Rights: Worse than You Think – Part 2: The Hole in the Roof. *EJIL: Talk!* 8 October. Available at: <http://www.ejiltalk.org/the-implementation-of-judgments-of-the-european-court-of-human-rights-worse-than-you-think-part-2-the-hole-in-the-roof/?fbclid=IwAR0KQZ1hw2qOJ8cncd89AMyJH60J-fQd9WdplmJP7bJ1CZF5ZBhWHCyVgk> (accessed: 04.11.2019).
- Vaypan G. (2016) Trudno byt' bogom: Konstitutsionnyy Sud RF i ego pervoe delo o vozmozhnosti ispolneniya postanovleniya Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Hard to be a god: Russian Constitutional Court and its first case on enforceability of a judgment of the European Court of Human Rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 25, no. 4, pp. 107–124. (In Russian).
- Von Staden A. (2018) Minimalist Compliance in the UK Prisoner Voting Rights Cases. *ECHR Blog*, 16 November. Available at: https://echrblog.blogspot.com/2018/11/guest-blog-minimalist-compliance-in-uk.html?fbclid=IwAR0Ylp0npb6pm8U3ML_OWP8nUqoJF3eEm_rC8bqzjFlaCgGfth8KBBpddk (accessed: 04.11.2019).
- Von Staden A. (2019) *Strategies of Compliance with the European Court of Human Rights: Rational Choice Within Normative Constraints*, Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.